

Он не мог его остановить. Даже если бы действительно получил его, всё равно не смог бы. Пока в его сердце горит эта яркая, ослепительная цель, его судьба — железные кони и ледяные реки. Се Цяо слишком хорошо знал Лу Цзюэ, поэтому понимал: пытаться изменить такого Лу Цзюэ — значит оскорбить его.

Белый рис быстро закипел, булькая пузырьками. Лу Цзюэ, схватив горсть красной фасоли из мешка рядом с Се Цяо, бросил её в кастрюлю. Он наклонил голову, глядя на Се Цяо:

— Ты голоден?

Всмотревшись в лицо Се Цяо, он слегка нахмурился:

— Почему у тебя такой плохой цвет лица?

На лице Се Цяо всплыла улыбка, он покачал головой:

— Голоден. Я просто голоден.

Старый врач, глядя на то, как двое возятся у костра, словно что-то понял, улыбнулся и покачал головой. Затем, вспомнив о деревне, снова вздохнул, и улыбка сошла с его лица.

Лу Цзюэ налил каши старому врачу, затем вручил миску Се Цяо. От каши поднимался густой пар, и Лу Цзюэ, увидев, как бледное лицо Се Цяо в этом паре порозовело, наконец немного успокоился.

После еды уже наступил полдень. Старый врач погладил бороду, глядя на выход из бамбуковой рощи:

— Сегодня после полудня я пойду в ту деревню, чтобы разузнать об эпидемии.

Се Цяо кивнул, повернулся, зашёл в дом и вышел с несколькими кусками белой ткани и перчатками, какими пользуются судебные медики:

— Я заранее прокипятил их в вине.

Старый врач взял их и кивнул, затем предупредил:

— Входя в ту деревню, обязательно плотно закрывайте рот и нос. Запомните, ни в коем случае не прикасайтесь к телам больных голыми руками.

...

После полудня.

Перейдя каменную стелу, они оказались у входа в деревню Чжоу. Се Цяо и его спутники,

закрыв лица тканью и надев перчатки, уже у входа почувствовали неладное. Прямо у входа шла дорога, пронизывающая всю деревню, по обеим сторонам которой стояли целые жилые дома. Однако сейчас на этой дороге не было ни души, из домов не поднимался дым. Хотя был всего лишь полдень, стоя на дороге и глядя на деревню, ощущалась невероятная пустынность и мрачность.

Они на мгновение замерли, а затем с серьёзными лицами двинулись дальше.

— Стойте!

Дойдя до одного места, они внезапно увидели, как из переулков по обеим сторонам выскочили люди, преградив им путь.

Лу Цзюэ инстинктивно прикрыл собой Се Цяо и старого врача.

Среди той толпы большинство были молодыми, а впереди шёл мужчина средних лет. У многих лица были жёлтыми, глаза налиты кровью, на лицах — свирепая, безумная злоба, словно у злых духов. В руках они держали сельскохозяйственные орудия вроде мотыг, направленные на Се Цяо и остальных.

Мужчина впереди нервно крикнул:

— Кто вы такие?!

— Мы врачи, — не отрывая глаз от действий противника, медленно произнёс Лу Цзюэ. — Слышали, что здесь чума, вот и пришли.

— Какая чума! Что вы несёте! — Мужчина яростно потряс мотыгой в сторону Лу Цзюэ. — Здесь нет никакой чумы! Убирайтесь, быстро убирайтесь!

Лицо старого врача стало ещё серьёзнее. Он посмотрел на Се Цяо: жители деревни не сотрудничают, но сейчас они обязаны войти. До прихода армии нужно хотя бы понять ситуацию с эпидемией. Чем раньше, тем больше жизней удастся спасти.

Лу Цзюэ, естественно, тоже понимал эту логику. Если словами не договориться, тогда остаётся только...

Он нахмурился, выхватил меч с пояса и, не вынимая из ножен, отбил мотыгу из рук того человека, затем ловко пнул его по ноге. Тот упал на колени, подняв облако пыли. Меч Лу Цзюэ в ножнах прижался к шее мужчины, обнажив небольшой участок лезвия, и мужчина средних лет не мог пошевелиться.

Обезвредив главаря, Лу Цзюэ окинул взглядом толпу молодых людей, на лицах которых уже

читался страх, и холодно спросил:

— Ещё хотите нас остановить?

Молодые люди переглянулись, затем, испуганные, медленно стали расходиться, скрывшись в переулках.

Поняв, что помощники ушли, мужчина почувствовал тяжесть на плече и, дрожа, произнёс:

— Герой... пощади...

Пока Лу Цзюэ держал того человека, Се Цяо подошёл и спросил:

— Почему вы не пускаете врачей в деревню?

По логике, если в деревне вспыхнула эпидемия, услышав о приходе врачей, жители не должны так реагировать.

Тот мужчина дрожал:

— Наша деревенская знахарка сказала, что наложница Цзин разгневалась и наслала наказание, поэтому... поэтому в это время мы не можем выходить из деревни, и чужакам тоже нельзя заходить... Только так... мы сможем пережить это испытание...

Се Цяо нахмурился:

— Гробница наложницы Цзин в вашей деревне?

Тот человек ответил:

— Не... не знаю... Этот негодяй не знает...

Се Цяо спросил снова:

— А знахарка сказала, почему разгневалась наложница Цзин?

— Нет... нет. Наложница Цзин только через знахарку передала, что... что мы виноваты...

— В чём виноваты?

— Наложница Цзин сказала... сказала, что мы в сердце знаем...

Лу Цзюэ и Се Цяо обменялись взглядом. Лу Цзюэ снова надавил на плечо того человека:

— Веди нас к этой знахарке.

...

Тот человек под контролем Лу Цзюэ покорно привёл их к одному дому. Этот дом был просторнее, чем те, что они видели по пути. У входа мужчина сказал:

— Здесь живёт наша знахарка. Можно... можно отпустить этого негодяя...

Лу Цзюэ убрал меч с его плеча. Тот уже собрался уходить, как старый врач сказал:

— Ты ещё не заразился. Вернувшись домой, найди чистую ткань, прокипяти её в горячей воде и закрой рот и нос. Перед едой также мой руки горячим вином. Помни, нельзя есть сырую пищу и пить сырую воду. Если в твоей семье тоже никто не заболел, все должны так делать. Только так сможете выжить.

Услышав это, тот человек замер, многозначительно посмотрел на них и поспешно ушёл.

Старый врач, видя, что тот сомневается в его словах, мог лишь с ещё большей горечью вздохнуть.

...

Времени было в обрез. Лу Цзюэ подошёл вперёд и пнул дверь перед собой.

— Кто там?!

После резкого голоса кто-то отодвинул занавеску и вышел.

Это была женщина. Ей было лет сорок, полная и невысокая, но одетая в яркую одежду, что выглядело весьма комично. Увидев её, Се Цяо сузил глаза: эта женщина, как и они, закрыла рот и нос тканью, поэтому была видна лишь пара узких глаз-щелочек.

Выйдя из дома и увидев во дворе незнакомцев, она на мгновение опешила, а затем на её лице появилась высокомерная злость:

— Кто вы такие?! Как вы смеете вести себя так непочтительно перед посланником наложницы Цзин?!

Се Цяо усмехнулся:

— Наложница Цзин? Сама наложница Цзин уже давно рассеялась в прахе, откуда тут взяться посланнику?

Он одним движением выхватил меч Лу Цзюэ и приставил к шее той женщины, холодно сказав:

— Говори, кто приказал тебе говорить в деревне такие слова?

Та женщина, увидев меч у своей шеи, задрожала, но всё же осмелилась сказать:

— Как ты смеешь!

Затем закричала:

— Быстро зовите людей! Грешники хотят убить посланника госпожи!

Только она это произнесла, как из комнаты у входа «шмыгнул» наружу низкорослый мужчина.

Лу Цзюэ уже собрался броситься в погоню, но Се Цяо поднял руку, останавливая его. На его лице всплыла холодная усмешка, он прищурился и сказал той женщине:

— Ты права. У меня действительно смелости хватает. Не то что какого-то посланника, даже если бы сама наложница Цзин предстала передо мной, когда придёт время казнить — казню.

Он надавил мечом чуть сильнее, потребовав:

— Говори! Кто именно тебя заставил?

На шее женщины выступили тонкие капли крови. Она почувствовала боль в шее, взглянула в тёмные, как бездна, глаза собеседника и похолодела внутри, поняв, что тот не шутит. Она снова задрожала:

— Это... это Шунь-цзы велел мне так говорить...

Она резко упала на колени, несколько раз ударилась лбом о землю:

— Господин, пощадите! Всё это Шунь-цзы заставил меня сделать! К этому негодяйке никакого отношения!

— Кто такой Шунь-цзы?

Се Цяо не убрал меч, указывая им на ту женщину.

— Шунь-цзы — это... — та женщина на мгновение задумалась. — Шунь-цзы — это ребёнок из семьи Лао Чжана.

Сказав это, она забежала глазами и добавила:

— Тот, что живёт в бамбуковой роще у входа в деревню...

Она отодвинулась подальше от лезвия меча Се Цяо, подобострастно улыбаясь:

— Господин может прямо сейчас пойти его искать...

Меч Се Цяо последовал за движением женщины, снова прижавшись к её плечу:

— Тогда расскажи подробнее о твоих делах с этим Шунь-цзы.

Та женщина сглотнула слюну:

— Этот Шунь-цзы сказал мне, что из-за гнева наложницы Цзин в деревне началась болезнь. Если мы хотим успокоить гнев госпожи, жителям нельзя выходить из деревни, и чужакам тоже нельзя заходить...

<http://bllate.org/book/15506/1377473>